

**Лев Абрамович Кассиль,
Макс Леонидович Поляновский
Володя Дубинин**

Иллюстрации - В. Юдин. - 1981 г.

Как только началась война с фашистами, отец Володи, Никифор Степанович Дубинин, коммунист, участник гражданской войны, капитан парохода, ушёл на военный флот.

Напрасно упрашивал он отца взять его с собой. Отец строго отвечал, что в такие трудные дни и дома дел хватит.

Но Володя на этом не успокоился. Несколько дней подряд керча-не встречали у подъездов разных городских учреждений собачонку, которая терпеливо дожидалась кого-то, беспокойно посматривая на входную дверь. Дверь открывалась, появлялся огорчённый мальчуган лет четырнадцати и, слегка присвистнув собаке, печально докладывал ей:

— И тут не взяли... Не берут.

Отец оказался прав. Дело нашлось и дома, в Керчи.

Володя стал вожакom тимуровцев; во многих семьях фронтовиков скоро стали считать своим человеком большеглазого круглолобого мальчугана с красным галстуком. Впрочем, иногда Володя всё-таки снимал галстук. Это он делал тогда, когда бывал недоволен собой и не заканчивал начатое дело.

А фронт всё приближался. Всё тревожнее звучали сводки. В конце лета фашисты начали бешеное наступление на Крымский полуостров. Гитлеровская авиация безжалостно кромсала город бомбами. От фашистской бомбы сгорела школа, где учился Володя.

Семья Дубининых переселилась к Володиному дяде, старому боевому Другу — Ивану Захаровичу Гриценко, который жил в посёлке Старый Карантин возле каменоломен.

Володе были хорошо знакомы эти места. Не раз он во время летних каникул вместе со своим двоюродным братом Ваней Гриценко играл тут в войну красных партизан с белогвардейцами. И как-то Володя случайно провалился в одну из заброшенных каменоломен. Он крикнул Ваню. Как он был поражён, когда глубоко под землёй, в сумраке каменной галереи, он вдруг разглядел выбитую на камне полустёршуюся надпись: «Здесь в 1919 году жили и воевали за Советскую власть красные партизаны Никифор Дубинин и Иван Гриценко».

Так ребята обнаружили под землёй памятку о боевой славе их отцов.

Оказавшись теперь снова в Старом Карантине, Володя Дубинин заметил, что к входу в каменоломни то и дело подъезжают машины и телеги, нагруженные тяжёлыми плоскими ящиками, которые потом уносят под землю. Ваня Гриценко был уже посвящён в тайну каменоломен, но долго не раскрывал её Володе. Всё же Володе удалось, наконец, выпытать у друга, что глубоко под землёй коммунисты города создают тайную крепость, организуют партизанский отряд на случай, если фашисты захватят Керчь. Володя обиделся, что от него скрывают такое важное дело, и бросился к Ивану Захаровичу Гриценко. Долго упрашивал дядю взять его в партизанский отряд.

Командир отряда, бывший моряк Александр Фёдорович Зябрев, хорошо понимал, какие испытания предстоят людям в каменоломнях, если фашисты захватят Керчь. Поэтому Зябрев брал в отряд только тех людей, в силе и мужестве которых он был уверен. Но Володя, видно, приглянулся ему, да и дядя Гриценко, должно быть, рассказал

командиру много хорошего о своём племяннике. Зябрев поверил старому партизану и зачислил мальчика в отряд.

А бои приближались. Море близ Керчи уже отражало их зарево. Фашисты подошли к городу. И тогда партизаны спустились в непроглядную темень каменоломен. Там, при свете факелов, начала свою жизнь легендарная подземная партизанская крепость.

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей провёл отряд под землёй. Пятьдесят дней и пятьдесят ночей пробыл с партизанами пионер Володя Дубинин.

В первой же смелой вылазке партизаны, застигнув врага врасплох, разгромили штаб и военные склады гитлеровцев.

Фашисты чувствовали себя как на вулкане, который каждую минуту готов извергнуть из своего жерла гибельный огонь. Гитлеровское командование отдало приказ немедленно уничтожить подземный партизанский отряд. Одну за другой отбивали партизаны все попытки фашистов проникнуть в глубь подземелий. Гитлеровцы бросали в каменоломни бомбы, мины, пытались отравить партизан удушливыми газами. Но подземная крепость оставалась неприступной. Тогда гитлеровцы решили замуровать каменоломни и похоронить смельчаков заживо. Все выходы, все щели были снаружи залиты бетоном и заминированы. Но подземная крепость не сдавалась. Отряд партизан ушёл в глубину в шестьдесят метров.

Фашистам пришлось отозвать с фронта целый полк, вооружённый артиллерией, прожекторами и звукоуловителями, чтобы днём и ночью охранять все выходы из каменоломен. Не раз немецкое командование предлагало партизанам сдаться. Но защитники подземной крепости, отделённые от всего живого непробиваемой толщей камня, теряя в полумраке счёт дням и ночам, жили по точному трудовому и боевому расписанию. Они не сдавались. И из недр подземной крепости в любую минуту оккупантам грозила справедливая народная месть.

В одном из первых боёв на поверхности погиб командир отряда Зябрев. Во главе отряда стал бывший начальник партизанского штаба коммунист Лазарев.

А гитлеровцы оцепили всю местность, обнесли её колючей проволокой, заминировали все подступы к каменоломням. По приказу фашистского командования ни одна душа не смела появляться в этом районе.

Но партизанам необходимо было установить связь с поверхностью, чтобы точно знать, что происходит над подземной крепостью. Вот тогда-то и пришлось уступить Володе и его друзьям, которые уже давно просились, чтобы их отправили наверх, — в разведку.

Володю Дубинина назначили командиром маленькой группы юных разведчиков. И Лазарев, скрепя сердце, заглушая в себе тревогу за ребят, вынужден был разрешить им выйти на поверхность. Через узкие потайные щели, которые были известны только ребятам, выбирались наверх пионеры Володя Дубинин, Ваня Гриценко и Толя Ковалёв. Они вызнали и высмотрели всё, что нужно было узнать партизанскому командованию, а затем, никем не замеченные, снова вернулись под землю.

Но скоро фашисты обнаружили и эти узенькие лазы, замуровали их, завалили камнями, залили бетоном. Осталась одна, должно быть, последняя щель, совсем узенькая... Через эту норку мог выбраться наверх только гибкий, изворотливый, словно ящерка, Володя. И теперь он ходил на разведку в одиночку. И всякий раз возвращался к партизанам с очень важными для них сведениями.

Однажды, выйдя в разведку, он не мог сдержаться и подкрался к окнам домика дяди Гриценко... Володя очень соскучился по матери.

Он увидел через окно её усталое, измученное лицо. Ему хотелось позвать её, сказать ей хоть одно словечко. Но он помнил о правилах разведчиков и понимал, какое важное дело ему доверили оставшиеся под землёй партизаны. И, глотая слёзы, Володя тихо отполз от ограды.

В другой раз, когда Володя возвращался из разведки в свой отряд, оказалось, что гитлеровцы каким-то образом обнаружили лазейку, через которую он выбрался несколько часов назад. Долго ползал мальчуган по заминированным камням, иногда проскальзывал в нескольких шагах от вражеских часовых. Но в конце концов отыскал ещё одну тайную лазейку, которую держал в памяти про запас, на всякий случай.

Случилось как-то, что, выбравшись на поверхность, Володя сумел разведать страшный план гитлеровцев... Они тянули от моря шланги — толстые трубы, налаживали мощные насосы и, видно, готовились залить водой каменоломни, чтобы утопить партизан под землёй.

Володе строго-настрого было запрещено командиром возвращаться в каменоломни до наступления темноты. Но тут, рискуя жизнью, маленький разведчик нарушил этот запрет. Чудом ухитрился он проползти среди бела дня под самым носом фашистских часовых обратно к своему лазу. Он бросился вниз по крутым подземным галереям и успел предупредить партизан о грозящей им опасности. Партизаны начали немедленно же возводить плотины в подземных ходах. Все свободные от дежурства и караулов сейчас же отправились в верхние ярусы каменоломен. Гитлеровцы орудовали уже над самой головой партизан, закрепляли трубы, подтягивали шланги. В полной тишине, чтобы не привлечь внимания врага, партизаны возводили стены из камня-ракушечника, перегораживая ими подземные коридоры.

И вовремя! Каменная перегородка ещё не была закончена, когда сверху, через один из стволов, размурованных гитлеровцами, оглушительно бурля, хлынула вода. Она затопила верхнюю галерею, ударила струйками сквозь щели ещё не зацементированной стены. Высоко держа над головой шахтёрские лампочки и факелы, по колено, а кое-где и по грудь в клокотавшей воде партизаны заделывали отверстия в подземных плотинах. Работа под землёй шла до утра. Вода уже не проникала в нижние галереи, но так как фашисты могли каждую минуту пустить воду через другие шурфы, партизаны продолжали возводить водонепроницаемые каменные преграды на всех опасных участках верхних галерей.

В конце концов все эти коридоры были наглухо заделаны камнем и замазаны цементом. Отряд был спасён. И все партизаны понимали, что спасением своим они обязаны сметливости и бесстрашию маленького разведчика.

Но оставаться под землёй дальше было уже очень опасно. Фашисты, конечно, не успокоились после неудачной попытки утопить партизан. Они попробовали было взять подземную крепость штурмом, но партизанам удалось отбить все атаки. И теперь партизаны решили пробить выход в отдалённых районах каменоломен, чтобы вырваться на поверхность.

Тем временем гитлеровцам удалось взорвать отсек, где под землёй в ваннах находилась питьевая вода. Партизанам грозила уже гибель от жажды... Решили пропилить в одной из галерей, расположенных далеко от бывшего главного входа в каменоломне, ход через толщу ракушечника, выбраться на поверхность и уйти к партизанам в леса Старого Крыма. Но для этого надо было прежде всего хорошенько разведать, нет ли фашистов и в том районе, где предполагалось пробить спасательный выход.

Володе Дубинину доверили важное задание: надо было выбраться наверх, хорошо осмотреть район предполагаемого выхода партизан, а потом связаться с партизанами Аджимушкайских каменоломен, расположенных по другую сторону Керчи.

В канун нового, 1942, года Володя осторожно выбрался через свою тайную лазейку на поверхность. Он не мог поверить своим глазам, когда неожиданно увидел двигавшихся к нему навстречу желанных избавителей — моряков Советского Флота.

Всё забыл он в это мгновение: и правила передвижения разведчиков, и все наставления командира, и необходимый порядок в обращении к начальству. Он с разбегу кинулся прямо на грудь шедшего впереди с автоматом на плече высокого моряка.

— Дяденька, дядечка! Товарищ командир, ой, ура!.. Разрешите обратиться? — бормотал он, крепко ухватившись за отвороты командирского бушлата.

Старшина немного оторопело глядел на него, стараясь отодрать Володины руки от своего бушлата. Полные сумасшедшей радости огромные глаза смотрели с невероятно чумазого, закопчённого лица мальчишки.

— Стой! Ты что?.. погоди... Ну? Ты откуда, такой дух чёрный, выскочил? — смущённо спрашивал старшина. — А ну отцепись, что ты в самом деле!.. А ну, кому говорю?

Володя отпустил командира, справился с волнением и восторгом, которые бушевали в нём уже безудержно, отскочил на шаг, вытянулся, приложив руку к шапке:

— Разрешите обратиться, товарищ старшина? Командир группы разведчиков партизанского отряда Старого Карантина Дубинин Владимир прибыл в ваше распо.. то есть, нет... Вы же сами прибыли... Дядя, вы с Черноморского флота? А фашистов, что, уже повыгнали, да! Ой, вот уж ура, вот ура!

Через пять минут старшина уже знал все подробности о старо-карантинских партизанах и о подземной крепости, в которую были замурованы девяносто смельчаков.

— Стало быть, сейчас надо будет вызволять твоих, — решил старшина, внимательно выслушав весь рассказ маленького разведчика.

— Нет, нет! — забеспокоился Володя. — Вы так сразу туда не идите. Там кругом всё заминировано. У нас двое наших подорвались, чуть было вылезли... Надо сперва там разминировать. Я вам покажу, дядя, где ход туда. Вы только скажите, товарищ командир, фашистов уже всех повыгнали отсюда? А в городе тоже уже наши?

— Наши, дорогой, наши, со вчерашнего дня уже. Десант был на Феодосию и на Керчь. Штурмьяга только некстати выдался, а то бы ещё позавчера дело кончили...

А под землёй тоже ничего не знали ещё об избавлении. Долгожданную радостную весть принёс партизанам Володя Дубинин, кубарем скатившийся по крутым подземным переходам к штабу партизанской крепости. Чёрные от копоти, полуослепшие от многонедельной темноты, изжаждавшиеся по свету, воде и свежему воздуху, люди выбирались на поверхность и попадали в объятия солдат и моряков, расчищавших входы каменоломен.

Тут и встретился Володя со своей матерью. Она, бедная, уже не надеялась увидеть своего сына...

На вершине Митридата, колеблемый свежим январским нордом, развевался алый флаг. Освобождённый город возвращался к жизни...

Победители, вызволившие Керчь, — рослые солдаты в стёганках и плащ-палатках, выброшенных на плечи, матросы в ладно пригнанных бушлатах и кирзовых десантных сапогах, отвёрнутых ниже колен, — расхаживали по улицам Керчи, везде встречаемые

улыбками, повсюду провожаемые толпами восхищённых мальчишек.

Старокарантинцы и камышбурунцы целые дни паломничали к партизанским каменоломням. Всем нетерпелось поскорее и поближе увидеть героев подземной крепости, которая так и не сдалась фашистам.

В тот же день Володя, бесстрашный разведчик, о вылазках которого уже рассказывали ребятам Старого Карантина и Камыш-Буруна поднявшиеся на поверхность партизаны, сидел в большом корыте и плескался на всю горницу в домике дяди Гриценко. Евдокия Тимофеевна решила устроить ему баню и как следует отмыть.

Неловко было лихому разведчику залезать голым в корыто и, как маленькому, терпеть всё, что проделывала сейчас с ним мать. А уже от неё в таких случаях нечего было ждать пощады. Она взбила на давно не стриженной Володиной голове пышную белую папаху из шипящей пены. Жёсткой, шершавой люфой, пропитанной обжигающей мыльной жижей, мать яростно скребла отощавшие плечи сына, вытянувшуюся спину с резко проступающими позвонками. Вырос и похудел Володя с тех пор, как она его не видела.

— Уй-ю-юй, мама! Мне все глаза мыло выело, — стонал Володя и отплёвывался. — Меня даже папа в Мурманске на «Красине» так не драл... А уж он...

— Терпи, терпи, партизан! — твердила неумолимая Евдокия Тимофеевна и орудовала безжалостно, так что голова Володи моталась из стороны в сторону.

Потом, причёсанный, одетый во всё чистое, он сидел за столом и солидно пил чай с матерью.

А за окном на улице в это время показался отряд красноармейцев. Они несли длинные палки с кружками на конце. Поверх шапок у них были надеты телефонные наушники. Володя миглом вскочил, припал к стеклу, стуча в него костяшками пальцев. Шедший впереди отряда пожилой красноармеец услышал стук, обернулся к окну: сперва не узнал, а потом заулыбался и козырнул Володе.

— Мама... — заволновался Володя, ища глазами, куда положил свою шапку, — мама, это к нам сапёры пошли. Будут сейчас ходы в каменоломне разминировать. Этот, который мне честь отдал, мой знакомый. Я ему показывал в первый день, как нас освободили, где дорогу расчищать. Я и сегодня им обещал, мама. Я же кругом там все кочки наизусть помню!

— Без тебя, Вовочка, обойдутся. Сказал ведь тебе вчера комиссар, чтоб ты туда не совался. И командир не приказывал.

— Нет, мама, я ведь там каждый камешек исползал. Надо помочь людям. Я просто обязан... Пионер я или кто? Они же целую неделю провозятся. Ты пойми, мама! Не могу я спокойно сидеть, когда помочь могу. И надо скорее наверх продовольствие вынести. В посёлке народ нуждается. Немцы всё до крошки съели.

Он снял со стены пальто, оделся, потянулся за шапкой-ушанкой, которая лежала на стуле. Мать встала в дверях, взявшись за косяк:

— Не ходи, Володенька, ну прошу тебя! Боязно мне что-то... Ведь не велено тебе было. Неровен час, оступишься или заденешь...

Она видела через окно, как он нагнал сапёров, подбежал к старшему, откозырял и пошёл рядом с ним, маленький, решительный, стараясь ступать в ногу.

«Испеку ему к обеду содовые пышки, — подумала она. — Давно, верно, не ел, а любит — страсть!»

Она подошла к плите, замесила муку с водой и вскоре ушла с головой в знакомые хлопоты, ставшие теперь снова для неё сладкими, так как она знала, что к обеду придёт

Володя, увидит любимые пышки и кинется обнимать её от радости.

Протяжный, двойной, грохочущий удар из-под самого, как ей показалось, пола горницы на мгновение будто приподнял весь домик, а потом грузно всадил его обратно в землю. Из окна выпал уголок стекла, подклеенный бумагой, слабо звякнул о подоконник...

Несколько камней щёлкнуло по крыше, пролетели за окном и шмякнулись с силой возле дома. Послышались испуганные голоса. Улица за окном заполнилась бегущими людьми. Евдокия Тимофеевна видела, что все они спешат, обгоняя друг друга, по направлению к каменоломням... туда, куда только что ушёл её Володя.

Она стояла некоторое время, словно окаменев. Как будто тем ударом её пришибло на месте. Потом сделала один шаг, косой и неверный, хотела сделать второй, уже не справляясь с ногами, едва не миновала табурета, тяжело опустилась на него и уронила на пол полотенце.

Надо было выйти на улицу, узнать, что это так грохнуло, но у неё не было силы встать.

Так она сидела очень долго. И с каждой минутой где-то ещё теплившаяся надежда всё гасла и гасла в ней.

Темнело в комнате. За окном стыли серые, неприютные сумерки.

И тогда в дверь постучали. Она не слышала своего голоса, но там, в сенях, услышали. Дверь открылась.

В комнату вошли трое. Лица их были черны от въевшейся в кожу копоти.

Евдокия Тимофеевна сразу узнала командира Лазарева, комиссара Котло и ещё одного, в морской военной форме, с которым Володя накануне познакомил её как со своим партизанским учителем.

Они вошли, и все трое одновременно сняли шапки...

В парке Камыш-Буруна, в главном цветнике, где всегда играют дети, высится не очень высокий памятник на братской могиле партизан.

И на доске из крымского мрамора, укреплённой на каменном постаменте, написано:

«Здесь похоронены партизаны Отечественной войны, погибшие в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами: Зябрев Александр, Фёдор Шустров, Иван Гаврил., Важенин Влас. Ив., Макаров Ник., Бондаренко Ник., Дубинин Володя».

А под горой Митридат в Керчи, со старой лестницы, хорошо видна прямая солнечная улица, что начинается от склона горы, от подножия лестницы, и просторно убегает вдаль.

Широкая улица Ленина встречается с этой улицей и пропускает её через себя.

Иногда на улицу эту в сопровождении керченских пионеров приходят Евдокия Тимофеевна Дубинина с Валеи. Пионеры часто навещают её. Они долго смотрят на портрет Володи, тихо расспрашивают о нём мать и сестру, перечитывают простое, мужественное письмо, которое написал домой, узнав о гибели сына, Никифор Семёнович.

Вскоре после этого и Никифор Семёнович погиб на фронте. Отец сложил голову за то же великое и справедливое дело, которому беззаветно отдал жизнь его сын.

Мать достаёт из стола пожелтевшую фронтовую газету с напечатанным в ней приказом командования Крымского фронта от 1 марта 1942 года.

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить... орденом Красного Знамени... Дубинина Владимира Никифоровича».

Потом пионеры просят Евдокию Тимофеевну и Валью пройти с ними на Володину улицу.

— Вот моего младшенького улица, — говорит пионерам Евдокия Тимофеевна, медленно сходя по ступеням старой лестницы на улицу, носящую имя её сына.

— Володи нашего улица, — тихо добавляет в таких случаях Валентина.

В праздничные дни, когда на всех улицах играет музыка, в порту на судах подняты пёстрые флаги и летают белокрылые модели над Митридатом, громко бьют барабаны и резво поёт пионерская труба над лестницей из серого камня-ракушечника. По крутым маршам лестницы спускаются, шагая в ногу, ряд за рядом мальчики и девочки в трёхконечных красных галстуках — пионеры из школы имени Володи Дубинина, пионеры соседних дружин.

Дружный лёгкий шаг их звонко отдаётся на известняковых плитах и заполняет всю улицу.

Ветер двух морей играет в складках алого знамени. Пионеры идут по широкой озарённой солнцем улице, где под фонарём каждого дома написано:

Улица Володи Дубинина.

А в центре Керчи, в сквере на улице, носящей имя юного героя, 12 июля 1964 года состоялось торжественное открытие памятника славному пионеру.

Из флоритовой глыбы высечена фигура отважного пионера-разведчика.

Памятником Володе стал и кинофильм «Улица младшего сына». Его снимали в тех местах, где происходили события, прямо в каменоломнях, где во мраке подземных ходов лежало старое боевое оружие, изъеденное временем и ржавчиной. Снимали и на улицах, по которым ходил в школу Володя Дубинин.

Имя юного пионера-героя Володи Дубинина занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина.